

Промысел кедрового ореха как объект нематериального этнокультурного достояния (на примере семейских старообрядцев Забайкалья)¹

Михаил Сергеевич Каменских,

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований — филиала Пермского федерального исследовательского центра Уральского отделения РАН, Пермь.

E-mail: mkamenskih27@gmail.com

В статье рассматриваются история появления и формирования промысла кедрового ореха, технологии его сбора и переработки, а также современные формы этой деятельности у семейских старообрядцев Забайкалья. Промысел сформировался предположительно в XIX в., когда семейские старообрядцы при переселении заимствовали традиции местного населения. Проведённое автором исследование позволило подробно описать связанные с добычей кедрового ореха хозяйственные практики, а также ответить на ряд теоретических вопросов о сути понятия объекта нематериального наследия и об отношении этнической культуры и промыслов. В статье раскрыты технологии сбора ореха, его переработки и хранения, отмечена ритуальная составляющая этого процесса. В досоветский период продукты из кедрового ореха активно использовались в пищу, в постное время сложилась практика «беления» отдельных блюд кедровым молоком. Кедровый жмых применялся при приготовлении поминальной еды. Общественные и экономические трансформации XX в. оказали влияние на повседневный быт семейских старообрядцев Забайкалья, а также существенно изменили промысел: произошли механизация сбора и переработки ореха, исключение ручного труда. Сегодня эти традиции сохраняются исключительно в памяти и рассказах, отдельные практики бытуют в среде старшего поколения. По мнению автора, на примере добычи кедрового ореха видно, как промысел может приобретать черты объекта нематериального этнокультурного достояния в рамках этнической культуры. **Ключевые слова:** кедровый орех, Забайкалье, старообрядцы, семейские старообрядцы, нематериальное этнокультурное наследие, объект наследия.

¹ Статья подготовлена в рамках Программы научных исследований и прикладных работ, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление общероссийской идентичности, проект «Нематериальное культурное наследие как ресурс сохранения многообразия и формирования российской идентичности».

**Pine Nut Harvesting as an Object of Intangible Ethnocultural Heritage
(A Case Study of the Semeiskie Old Believers in Transbaikalia).**

Mikhail Kamenskikh, Institute of Humanitarian Research — Branch of the Perm Federal Research Center, UB RAS, Perm, Russia. E-mail: mkamenskih27@gmail.com.

The paper deals with the history and development of pine nut harvesting, the technologies of its collection and processing as well as current practices among the Semeiskie Old Believers of Transbaikalia. The craft presumably emerged in the nineteenth century when the Semeiskie adopted certain traditions of the local population during their resettlement. The author's research provides a detailed description of the economic practices related to pine nut collection and answers theoretical questions concerning the concept of intangible heritage and the relationship between the ethnic culture and traditional crafts. The paper explores the methods of pine nut gathering, processing, storage and highlights the ritual practices of these activities. During the pre-Soviet period, pine nut products were widely used in the food, especially during fasting periods, when the practice of “whitening” dishes with pine nut milk developed. Pine nut oil cake was also used to prepare some memorial dishes. The social and economic transformations of the twentieth century significantly affected the daily life of the Semeiskie Old Believers and their traditional practices, leading to mechanization of harvesting and processing while displacing manual labor. Today, these traditions are preserved mainly in collective memory and oral narratives, certain practices exist among the elder generation. According to the author, a case study of pine nut harvesting demonstrates how a traditional craft can take on the characteristics of an object of intangible ethnocultural heritage within the framework of the ethnic culture.

Keywords: pine nut, Transbaikalia, Old Believers, Semeiskie Old Believers, intangible ethnocultural heritage, heritage object.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Тема нематериального этнокультурного достояния, обсуждаемая в последние годы на фоне принятия соответствующего федерального закона 2022 г. [13] и постановления Правительства РФ [7], актуализировала дискуссии как о понятии наследия в целом, так и о конкретных объектах нематериального этнокультурного достояния [14, с. 23—24].

Одной из наиболее дискуссионных категорий объектов являются промыслы и связанные с ними хозяйственные практики. Сложности вызывают этничность этих видов деятельности (может ли один и тот же промысел быть представлен несколькими этническими культурами), а также определение их как части нематериальной культуры в противопоставление материальной. Отечественный

законодатель даёт этой сфере наследия максимально широкую трактовку, определяя её как «знания, выраженные в объективной форме, технологии, навыки и формы их представления, связанные с укладами жизни и традиционными ремёслами, реализующиеся в исторически сложившихся сюжетах и образах и стилистике их воплощения, существующих на определённой территории» [13]. Рассуждая об этом понятии, нужно признать, что природа и окружающая среда всегда оказывали влияние на культуру сообщества, особенно в части традиции и хозяйственного устройства. Оказываясь в определённых экологических условиях, любое сообщество начинает осваивать пространство, превращая взаимодействие с природой в часть своего культурного наследия [6, с. 15]. По выражению А.В. Головнёва, растительность и животный мир всегда были «наиболее очевидными факторами складывания этнокультурных различий» [1, с. 42]. В этой связи различные специфические промыслы и связанные с ними хозяйственные практики, их интерпретация в культуре, безусловно, могут считаться важной составляющей нематериального культурного достояния.

В азиатской части России экологическая среда трудна для проживания, флора и фауна разнообразны, особенности заселения исторически сформировали сложные системы промысловых хозяйств и связанных с ними хозяйственных практик. В рамках данной статьи речь пойдёт об уникальном промысле российских народов Сибири и Дальнего Востока — сборе кедровых шишек — и образовавшейся на этом фоне культурной традиции. Данный промысел исторически был важной частью хозяйственной жизни населения региона, он оказывал значительное влияние как на экономику семьи, так и на культуру целых трудовых коллективов. Об актуальности темы свидетельствуют и дискуссии относительно этой сферы деятельности, возникшие в Государственной думе в конце 2023 — начале 2024 г. На момент написания статьи законопроект о регулировании правил сбора кедрового ореха находился на рассмотрении в парламенте РФ после первого чтения [2].

Одним из наиболее интересных локальных вариантов этого промысла является традиция сбора кедровой шишки, сложившаяся у семейских старообрядцев Забайкалья. У данной этнолокальной группы этот промысел имел большое значение в хозяйстве, а также обладал рядом этнокультурных особенностей, выражавшихся как в языке и специальной лексике, так и в отдельных календарных событиях и обрядах жизненного цикла. Определённые изменения случились в период установления советской власти, а также в 1990-е гг. в связи с формированием системы рыночных отношений. Сегодня кедровый промысел остаётся важной частью хозяйственной жизни для данной территории. Для него в 2023 г. по итогам полевых экспедиций автора был составлен паспорт объекта,

который позже был внесён в Федеральный реестр объектов нематериального этнокультурного достояния [12].

Настоящая статья посвящена анализу орехового промысла как объекта нематериального наследия в культуре семейских старообрядцев Забайкалья. Помимо упомянутого выше паспорта в основу исследования легли полевые материалы научного коллектива Института гуманитарных исследований Уральского отделения РАН, собранные в Красночикойском районе Забайкальского края в 2023 г. (с. Красный Чикой, с. Архангельское, с. Барахоево). Большую ценность для исследования представили материалы паспорта объекта нематериального наследия «Кедровый промысел в Байкальской Сибири в устных рассказах русских старожилов», собранные в Иркутской области [4]. Важные сведения о кедровом промысле семейских старообрядцев Забайкалья находятся в отложившихся в Красночикойском музее мемуарах местного краеведа Василия Корниловича Дегтярёва 1902 г.р. [15]. Дневник воспоминаний датирован 1975 г., его материалы впервые вводятся в научный оборот.

Исследование позволило не только подробно описать важный промысел российского Дальнего Востока и связанные с ним хозяйственные практики, но и ответить на ряд теоретических вопросов о сути понятия объекта нематериального наследия, о соотношении этнической культуры и промыслов.

ОРЕХОВЫЙ ПРОМЫСЕЛ В КУЛЬТУРЕ СЕМЕЙСКИХ СТАРООБРЯДЦЕВ

Ореховый промысел предположительно сложился в XIX в., когда в рамках государственной политики осуществлялось заселение территорий Забайкалья и Приамурья. В.К. Дегтярёв, описывая свой край, в первую очередь делает акцент на сборе кедра: «Растительный мир щедро открывает свои кладовые: кедровый орех, дающий непревзойдённое по питательности и вкусовым качествам ореховое масло и жмыховое молоко — сбойку... В этих местах население верхней части Чикоя имело многие тысячи пудов ореха» [15, л. 21]. О масштабах промысла можно судить и по тому факту, что уже в начале XX в. власти Иркутской губернии пытались регулировать эту сферу хозяйственной жизни. В обязательном постановлении иркутского генерал-губернатора от 1 ноября 1913 г. вводилась практика платных билетов на право добычи ореха в казённых лесах «с целью упорядочения кедрового промысла и охраны кедровников». Согласно постановлению, с 1 января 1914 г. каждое лицо, отправляющееся за промыслом, должно было получить билет стоимостью 20 коп. [8, с. 1].

Большую роль играл сбор орехов в хозяйственной жизни семейских старообрядцев Забайкалья, особой этноконфессиональной группы русских, оказавшейся в регионе в XVIII в. Они переселились с территории современных Черниговской области Украины (Стародубье) и Могилёвской области Белоруссии (Ветка), входивших тогда в состав Речи Посполитой, куда семейские бежали из России в XVII в. после Церковного раскола [3, с. 1]. Судя по источникам, переселение началось с середины XVIII в. и было инициировано самими семейскими после выхода указа Сената от 14 декабря 1762 г., направленного на возврат старообрядцев в Российскую империю [5, с. 242]. Сегодня семейские старообрядцы компактно проживают в Красночикойском районе Забайкальского края и в южных районах Республики Бурятия [11].

Несмотря на отсутствие данных хозяйственных практик в местах исхода, семейские смогли быстро инкорпорировать сбор орехов в хозяйственные практики [4]. Одна из участниц интервью отметила, что из всех жителей Забайкалья только у семейских «в хозяйстве всегда в запасе были сушёные орехи» [17]. Промысел кедровой шишки в культуре семейских был строго регламентирован. Так, исторически сложилась практика «закрепления» участков кедровника за определёнными семьями. В.К. Дегтярёв по этому поводу пишет: «Чикойское население в прошлом, кроме домашнего хозяйства, почти все занимались добычей ореха и охотой, т.е. так или иначе связаны с тайгой. Поэтому у них из глубокой старины были установлены неписанные обычаи и законы, незыблемость которых выполнялась неукоснительно. Так, например, у добытчиков орехов определён следующий порядок: определённая долина или территория около речек принадлежали добытчикам определённого села, деревни. Называлась эта территория „Наш хребет“, и уж добытчик из других сёл сюда за добычей приходить не имел права. Затем долины кедрача распределялись по родам, а родовая территория — на семейные участки. В этих участках семья создавала себе условия: строили юрты, сайбы и ежегодно приходили на добычу. Никто друг другу не мешал в добыче» [15, л. 22]. Исследователь начала XX в. Д.С. Пономарёв также указывал на эту особенность: «Бывало, как селится первая семья на избранном месте, так сейчас же облюбуется себе кедровник в хребтах, и этот кедровник затем уже всеми признаётся за хозяином. Он тут каждогодно орехи собирает, зверя бьёт, колодки ставит, досматривает и бережёт его» [9, с. 215].

Этот «порядок» зафиксирован и в интервью: «Это неофициально, люди сами между собой договаривались. Там на некоторых деревьях даже оставались буквы от фамилий. А так бывает у кого мужиков много в семье — они успевали отбить, а у кого мало — не успевали, у них так орехи и оставались. Но никто не трогал» [16]; «У каждого участка свой хозяин. Когда у него будет время, он придёт добудет,

ты туда вообще не имеешь права заходить. Сами люди блюдили, чтоб всё было по правилам» [17]; «Обязательно кедровник делили по границам, и сейчас делят. Вот они „отстучат“ эту границу, у каждого своя полоса. Не дай бог зайдёшь за полосу, там ругань сразу была» [16]; «Участок-то семейный, он знает, что никто к нему не зайдёт, и ничего не соберёт. Где занял твой дед, прадед, за той семьёй и закреплялся этот участок» [17].

Несоблюдение традиции и устоев приводило к реализации защитных механизмов через аппарат внутреннего насилия: «Если узнавали, что вот он кедр срубил, потом это уже наказывалось штрафами» [20]; В.К. Дегтярёв приводит такой пример: «Так, например, Агафон Ланцев всегда и во всём спешил раньше всех выполнить работы. Вот однажды он поспешил досрочно, тайно ушёл в кедровник. Там он начал действовать в чужом участке. Ввиду того, что шишка ещё не созрела, от удара колотом она не падала, потому Агафон начал срубать кедр. Это нарушение было обнаружено, Агафон немедленно был выдворен из кедровника, был по этому случаю созван сельский сход, на котором всенародно обсуждено злодеяние Агафона, было внесено предложение: на три года запретить ему добычу ореха, добытое конфисковать в пользу хозяина участка. За нарушение Агафона наказали 25 розгами. Но Агафон, стоя перед народом на коленях, умолял простить. Но сход это предложение утвердил, лишь заменил розги двумя вёдрами водки для схода» [15, л. 22].

Таким образом, после появления в Забайкалье семейских старообрядцев промысел стал активно развиваться, а территория произрастания ореха была разделена между крупными родами. Регламентировались также сроки сбора и технологии обработки.

ОСОБЕННОСТИ СБОРА ОРЕХОВ

Орех, как правило, созревает в конце августа — начале сентября [3, с. 50]. Сроки выхода в кедровник на промысел у семейских определялись только с санкции «старших» и были привязаны к календарному циклу. Однако в интервью назывались разные даты выхода, что свидетельствует о вариативности бытования объекта в разных населённых пунктах: «Выход на добычу устанавливался на всех единый, срок — „Успенев день“ (15 августа по старому стилю). Были очень редко и нарушения» [15, с. 21]; «Это уже после 4 сентября. Старшие придут в лес посмотрят, если шишка поспела, то можно идти собирать» [22]; «Не раньше конца сентября. В это время шишка созревает и молотится свободно» [21]; «После 19 августа уже, после Прокофьева дня кто-то из уважаемых людей, стариков ходили смотрели, можно заходить или нет. Если можно, то собирались» [16]; «Раньше Успенья вообще нельзя было в кедровник выходить. Успенье 28 августа, 29—30 деревни опустевали, все мужики

уходили на хребет» [17]; «Все ждали праздник 4 сентября, все его ждали, никогда раньше не ходили, на его разрешали. Вот после старые люди скажут, идите, шишка падёт» [19].

В досоветский период добытчики могли уходить в кедровник («кедрачить») на срок от двух до трёх недель. С появлением колхозных хозяйств массовый выход из деревень был запрещён, поэтому сложились традиции выхода только на выходные («подёнки») или на период отпуска. Часто к сбору привлекались неработающие пенсионеры и несовершеннолетние. Если в досоветские времена добытчики самостоятельно ездили в Иркутск, то в послевоенный период они могли сдавать добытый орех только на местную заготовительную базу. Этот период в истории промысла застали большинство интервьюеров 1950—1960-х г.г.: «Тогда ведь особо не отпускали, на два-три дня и всё» [21]; «У меня отец в колхозе не работал, в клубе работал. И у него отпуск всегда был не летом и не зимой, только осенью, чтоб он мог уйти и добывать орехи. Он мог недели на три уходить. Семье мешка два-три оставим, всё сдавалось на базе. Далеко не сдавали, это каралось по закону» [17]; «Когда учился, помню, сентябрь-октябрь — весь в кедровнике. С дедом ходили» [22]; «Дедушка неделю работает, а на выходной ходил, обыдёнка это называется, уйдёт, добудет шишку, обмолет сам потихоньку и мешок к вечеру принесёт» [17]. Сбор орехов не был коллективным, «кедрачить» местные жители ходили группами по 3—5 человек: «Каждая семья сама обрабатывает. Вот мы, например, ходили, дед, мужа отец, мой отец, я и муж. Муж помоложе, он и колотит, а деды возят орехи, а мы собирали» [16].

Кедровник для семейских старообрядцев имел почти сакральное значение. Кедров нежелательно было ни жечь, ни использовать в строительных целях: «Кедр — это вообще драгоценное дерево было, святое, его нельзя было рубить, его берегли» [20]; «Раньше лес не давали рубить или дома садить. Она, кедр, раз рождённая для лесу, она там должна быть, а кедру не давали» [19]. Заходя в кедровник, добытчики должны были попросить разрешения на добычу у хозяина леса: «Для нас это хлебное дерево, оно все деревни кормило. Домовому оставляли кусочек хлеба, это однозначно. Бабушка говорила: „Помоги нам, лес, найти насобирать“, и „спасибо“ обязательно говорили» [17]; «Матушка говорила моя: „Батюшка лесовик, себе оставь и нам дай“. Всегда попросись сначала, запусти, себе оставь и нам дай. Разрешения у лесовика надо попросить» [22].

В лесу добытчики обустроивали сайбу, небольшой колодец на 4—5 брёвен, недалеко строили землянку, или «юрту». Сбор и обработка ореха проходили полностью в лесу около сайбы. С собой из леса выносили уже обмолотый от шишек орех: «Неделя или две, с собой брали сухари, картошку, чай, мясо. В лесу делали „юрты“ — землянки на 4—5 брёвен с костром посередине, либо зимовье делали с нарами» [16].

Технология сбора, сохраняющаяся по сей день, весьма архаична. Она была описана ещё Д.С. Пономарёвым в 1901 г. и с тех пор практически не менялась [9, с. 214]. Орехи сбивают «колотом» — большой молотообразной конструкцией, которой ударяли по стволу дерева («пробивали кедр»). Его делали из наиболее тяжёлых пород дерева (лиственница или берёза) весом до 50 кг.

Размер колота подгонялся под добытчика: «Человек должен быть закрыт полностью по росту. Слишком большой не делали, но килограмм до 50 он точно был, потому что более лёгкий не собьёт уже шишку. Отпиливали жердь и топором засечки делали. Больше лиственные деревья брали, тяжёлые, крепкие и что не раскололось. Обычно сырым колотом бьют» [22]. От удара колота по стволу в результате вибрации шишки падали вниз, и их собирали в «ширу» — самошитый мешок с ляжками. Если дерево очень толстое, то сила удара повышалась за счёт практики «вожжания»: перед ударом на рукоять колота натягивают веревку («вожжи»), один («двойняшка») или двое («тройняшка») мужчин с обратной стороны дерева тянули её в момент удара на себя, придавая удару колота силу и направляя вектор движения: «Сбивали колотом, или прятали, или делали новый. Колот — это такая чурка и ручка, размер около 1,5—2 метров, бьют по дереву и шишки оттуда падают. У меня вот муж один ходил. Ведро три сколотит, мы собираем, он идёт дальше, смотрит на каких кедров шишки много. Мы пока собираем, он ещё три кедров наколотит» [20]; «Технология эта, конечно, сохраняется, колот ведь ничем не заменишь. Один колот держит, другой верёвками по бокам направляет» [21]; «Если кедров толстый, то у нас „тройняшка“ была или вожжевали одному ведь его никак не пробить» [16]; «С одного дерева до полмешка выйдет. Когда плохо шишка идёт, называется „вожжать“: один бьёт, двое направляют. Пока все шишки не упадут» [18].

Неверное обращение с колотом могло привести к серьёзным травмам, поэтому его изготовление и умение работать с ним были распространённым навыком, передаваемым по мужской линии. Интервьюеры отметили, что в среде семейских обращению колотом учили всех мужчин начиная с 10—12 лет: «У меня муж начал ребятишек лет с 12 учить. Если пришёл в лес и не умеешь колотить, потом можешь посмешищем стать» [17]; «Колот на плечо и с разбегу били, ой там страшное дело, сколько там людей заворачивало. Если палка сорвётся, то мужика перевернёт просто, очень страшно. Тут надо ещё сноровку. Даже не весом своим, а вот именно сноровкой» [16].

Били колотом всегда в одно и то же место. Это позволяло нанести дереву меньше вреда: «Бить было принято только в конкретное место, надо не куда угодно. Вот сейчас зайдёте в кедровник, там на каждой кедре уже такая выбоина есть, и стараются всегда

в выбоину ударить» [16]; «На каждой кедрине есть выбоина, там уже исторически сложилось. И кедрина к этому бою привыкла, и мы знаем с какой стороны выбоина есть, туда подходят и бьют. Если шишка очень спелая, она с первого раза вся упадёт, если нет, то надо два-три раза стукнуть» [20]. Сам сбор также воспринимался как необходимая мера: «Неколоченый кедровник плохо плодоносит» [17].

Если начать «колотить» шишку до созревания, то она могла пустить смолу («присмолиться»), тогда её уже было не сбить, и нужно ждать весны, когда она сама упадёт, и собрать после оттаивания снега («паданка»). Поэтому за созреванием шишек внимательно следили: «Если рано, шишка не созрела, то от удара она не отпадёт, а только пустит смолу и присмолится. После этого её уже не сбить. Если рано пришли в кедровник, присмолили эту шишку и всё. Уже другой придёт, её не добудет, потом уже на паданку только» [16]; «Если раньше времени начать бить, то она присмоляется и не падает. Потом с кедры уже не собьёшь эту шишку, надо ждать паданку» [20].

После «колочения» начинается сбор упавшей шишки и перенос её в сайбу: «Обычно идут в паре, одни с колотом, другой с мешком. Два мешка у человека — шира, мешок с лямками, в два раза больше обычного. И человек, который собирает, сначала кладёт в мешок („сберок“), потом в ширу. Наполнили ширу, потом к сайбе выносят уже мешки» [17]. «Мешок — шира называется. На лямках. Он когда его наденет, она выше его будет. Насыпаешь и сверху ложишь веточки пихты, чтобы не высыпалось дорогой, вот и пихтой прикрываешь эту ширу. Потом надо быстро в сайбе всё смолоть, потом отгрохотать и быстро, чтоб дождя не было, потом сеять» [20].

Когда сайба заполнена, начинали обработку. Процесс обработки шишек начинался с молотилки — деревянного короба с расположенным внутри зубчатым валом, сбоку от которого находилась ручка для запуска механизма. Ручку крутили вручную, крутящий вал размалывал шишку [12]. Затем вся масса, собранная внизу молотилки, отправляется в грóхот — деревянную раму с металлическим дном с отверстиями по размеру орехов. В грохот засыпалось три или четыре ведра обработанной в молотилке шишки, и начинался процесс грохотания. Внизу под грохотом стелили ткань, на которую падали ядрышки в скорлупе и мелкий мусор. Затем орехи отправляли на сито — деревянную раму с дном и небольшими отверстиями. Сито раскачивали, вся оставшаяся после грохота шелуха от шишек удалялась через отверстия, и оставался только орех [12].

Этот процесс полностью описан Д.С. Пономарёвым в 1901 г. [9, с. 214—215], практически все интервьюеры смогли воспроизвести его поэтапно: «Когда сайба заполнена, начинается молотёба, потом уже заново начинают её наполнять. Изначально молотилки

делались из дерева. Срубки на ножках, дно из веток со щелями, насыпают шишку и изогнутыми палками колотят. Крупный мусор остаётся. Потом все идет на „грохот“, такое корыто с отверстиями, как сито, там крупный мусор остаётся. На грохоте стоят самые опытные люди обычно. После грохота ещё в сито, там просеивают от мелкого мусора, здесь уже мусор высыпается вниз, а орех остаётся наверху» [17]; «Молотилку прямо там делали, деревянную. Всё сами делали: и молотилку, и грохот и сито. Потом уже чистые орехи ссыпаем. Так если мешков 40—50 добудем, и потом по 2 по 4 на конях вешали и везли к дороге уже вниз, а там машина» [20]; «Молотилка — такая коробка деревянная, сбоку деталь, которая мнёт эти шишки, вот и стоишь водишь по пол дня эту ручку. Она тяжёлая, насыпют-то много — пол мешка. Рука устанет, потом другой подойдёт, сменяет. Потом, когда всё размолется, совком собираешь всё и в грохот насыпаешь. Это также сито, только с большими дырками. И вот, в это сито насыпается шелуха уже, кругленькие шелушинки. Орехи потом совком собираешь — и в сито, в сите уже сеешь. В сите просеял и уже чистый орех, чистый орех сгребаете тоже совком и в мешки» [16].

Сбор кедровых шишек продолжается вплоть до наступления холодов и первого снега. С наступлением зимы добыча прекращалась до наступления весны [12]. С таянием снега сбор кедровой шишки продолжался, добытчики шли за паданкой: «Паданка, это когда осень прошла, весной обычно. Собираются на паданку после 9 мая только. Мы один раз с паданки насобирали 36 мешков тогда сходили» [20].

Собранные шишки в основном шли на продажу, небольшую часть семья оставляла себе. В годы Великой Отечественной войны кедр помогал бороться с голодом, обеспечивая местное население питанием [12]. В позднее советское время большая часть урожая сдавалась на местную заготовительную базу, некоторые из добытчиков увозили орехи в ближайшие крупные города — Читу, Иркутск, Улан-Удэ: «Так, бывает, надерут и ездили в Бурятию. И там было какое-то такое, что делали масло — из семени и из орехов. Машины приезжали да принимали. Договаривались сами, не придирались, зачем пропали» [19]. Доходы от реализации могли быть весьма высоки: «Если год урожайный, то можно с этого урожая купить машину, но это труд очень тяжёлый» [17]; «Я в колхозе работал — всё купил только с кедровника всё, вся техника, всё. Поедешь, добудешь, сдашь — живёшь, где ремонт, где детям, где сам. Я последний раз был в 1974 г., вчетвером с дедушкой, мамой и женой. Добыли по 12 мешков, домой привёз, мать высушила, продала в Иркутске, приехала — на 900 тысяч продала. Вот так выживали» [22]; «Потом с этих денег могли весь год кормиться. За сентябрь можно было больше заработать, чем за весь год потом» [20].

Таким образом, сформировавшись в XIX в., ореховый промысел стал важной частью хозяйственной и экономической жизни у семейских старообрядцев Забайкалья. Сбор ореха был инкорпорирован в календарную обрядность, с ним было связано большое количество примет, а кедровник принимал значение сакрального пространства. Техника сбора ореха также требовала от добытчиков специальных навыков, которые передавались на межпоколенческом уровне через институты семейного воспитания.

ПЕРЕРАБОТКА ОРЕХА В ТРАДИЦИОННОМ ХОЗЯЙСТВЕ СЕМЕЙСКИХ СТАРООБРЯДЦЕВ ЗАБАЙКАЛЬЯ

Орехи использовались в питании и медицинских целях. Основными продуктами, получаемыми из кедрового ореха, были масло, «молочко» (орехи, перетёртые с водой), жмых (остатки после отжима масла), мучка (сушёные перемолотые ядра). В отдельных случаях использовались шелуха и скорлупа: «Раньше из орех всё делали, всё. Мама моя сама делала масло, жмых, молочко. А шелуха от ядрышек идёт на изготовление подушек» [17].

Извлекали орехи из скорлупы только «шщёлканием» — раскалывали скорлупу зубами, извлекая зёрнышко. Чтоб скорлупа была мягче, их сначала замачивали в кипятке. После чего орехи сушили. В «шщёлкании» орехов принимала участие вся семья: «Орехи извлекались щёлчком. Целый стол нам собирался. Маленьким ставили рюмочки, большим — стаканы. Пока не нащёлкаешь, тебя на улицу не выпустят» [17]; «Щёлкали так, чтоб не перекусить плёночку у ореха, потом когда ядро сушили, плёнку убирали. Поэтому ни одна болезнь никакая не приходила» [16]; «Орех прокаливали и оставляли в кипятке, скорлупа становилось мягче, и её просто было удалить проще» [17]. После очистки ядрышек от скорлупы с них убирали шелуху, которой они были покрыты. Далее ядрышки отправляли на пять минут в печь для подсушки. Если орех плохо просушить, он портится и становится горьким («прогоркнет»): «Если орех не просушили, он прогорк. И один орех может испортить целую тарелку» [17]; «Такую большую массу сразу не съешь ведь, их просушивали ещё. Весили на такую большую жердину. Надо чтоб ядра хорошие были. Если прогоркшее ядро пропадёт, потом всё масло испортится, горьким станет» [16].

Наиболее трудоёмким был процесс получения масла. У каждой хозяйки были свои способы, но в общем виде технология представляла из себя толчение ореха в железной ступке с постепенным добавлением воды («отбивать масло»). В результате из орехов получалось масло, которое потом активно применялось в приготовлении еды. «У каждой хозяйки своё масло. Перемалывали ядро на два раза,

и она требует определённое количество воды и взбивать, вручную. И тогда мало отделяется, масло в одно, другое — жмых. Из него потом можно делать молоко или оладьи. Если воды слишком много или мало, не получится. Уже не отобьёшь» [18]; «Потом в толкушке его толкут, потом добавляют немного кипятка и начинают мешать. Надо чтоб и температура была нормальная и воды не перелить, и так масло получается. Масло отобьёшь, его отдельно, а что остаётся — жмых. В то время же масла подсолнечного не было. Вот им кашу заправляли» [16]; «Масло. Сначала нашщёлкаешь орехов, потом столкёшь в ступке деревянной. Это масло потом картошечку мазали, и блины делали, и пирожки пекли, и так макали. Ореховое масло называли» [20]; «Орех перемолют. В ступку и потом уже насыпали, добавляли кипятка, и так получается молоко. Его особенно можно в пост, потому что это не скоромная пища» [17]. В религиозной культуре старообрядцев орех также приобрёл важное значение как постный продукт, поскольку не был скоромным [18]. Пищу активно «белили» мучкой или молоком: «Белёный чай. Если молока нет, раньше орехом тоже „белили“, в пост особенно заменяли кедровым орехом» [19].

После приготовления кедрового масла оставался жмых, с которым готовили поминальные оладьи. Хозяйка замешивала тесто из муки, воды и соли. С помощью ложки тесто маленькими порциями выкладывалось на сковороду и отправлялось для обжарки в печь. Перед этим кедровый жмых смешивали с небольшим количеством воды. После обжарки оладий сверху на готовое блюдо выкладывали растёртый кедровый жмых [12]. «На поминку сошщёлкавали сразу по ведру орех, а для себя так понемногу совсем» [17]; «Жмых — это такое обрядовое блюдо, белили молоко, блины делали. Его в таком количестве не было, как деликатес. Вместо коровьего молока они этим белили» [17]. Стоит отметить, что эта традиция уже слабо бытует, многие из интервьюеров только слышали об этом от старшего поколения. Сегодня приготовление оладий с кедровым жмыхом соотносится также с традиционным блюдом, присутствующим на праздничном или повседневном столе в качестве угощения: «Жмых на вкус как халва или как повидло, гуще только. Его на хлеб мазали, просто ели, разводили с водой и пампушки делали. Хлеб пекут, потом возьмут комочек и потом раскатают длинненькую и потом ножом покажут и делали такие ореховые пампушки» [19].

Кроме использования в питании, орехи использовались в медицинских целях: «Орех вообще для семейских был одним из главных целебных продуктов. У меня мама до старости каждый день сошщёлкавала горстку орехов, умерла со своими зубами» [17]; «Первое средство от поноса — скорлупа. Очень хорошо от кашля помогают, при бронхитах» [17]; «Из ореха настойку делали для втирания, немного перекусывал орешки, заливал водкой и потом они втирали» [17]; «Шелуху использовали, чтоб ангину лечить, кашель

лечить. В лечебных целях её заваривали. Она настоится, потом отвар этот пьёшь» [20]; орехи использовали даже для приготовления алкогольных напитков: «Самогонку делали, настойку. Очищали немного и бросали немного орех. И немного совсем» [17]; «Настойку из ореха делали, самогоночку» [22].

Продукты из кедрового ореха были широко представлены в рационе и хозяйстве семейских старообрядцев. Растительное происхождение обусловило активное использование ореха как альтернативы молочной пище в период постов. Однако со второй половины XX в. значение кедра как части религиозной культуры снизилось.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРОМЫСЛА

В XX в. в силу серьёзных хозяйственных изменений и влияния процессов модернизации ореховый промысел сильно изменился. На смену юртам пришли небольшие, но комфортные срубы («зимовье»), шишки теперь собирают специальными щипцами: «Раньше просто балаган делали, а сейчас нет такого, конечно. Сейчас на машине придут, станцию ставят, телевизор» [16].

Наиболее серьёзные изменения произошли в период 1990-х гг., когда с приходом рыночных отношений сбор ореха стал коммерчески сверхприбыльным, что практически разрушило существовавшие правила и традиции. Если раньше места сбора орехов были закреплены за конкретными семьями, то сегодня он осуществляется всеми, включая «приезжих»: «У нас-то куда их деть, приезжают конечно люди и читинские и иркутские. Это же сейчас не личное всё. А как ты ему не дашь. Всё. Безработница, всем жить надо» [16].

Имея чёткое представление о технологии обработки ореха, сами интервьюеры отметили, что таким способом он уже практически не добывается. Большинство добытчиков пользуются электрическими самодельными молотилками, а обработка ореха ведётся уже не в лесу, а во дворах домов. Ручным способом орехи также не обрабатываются, поскольку производство механизировано местными предпринимателями: «Сейчас-то шишки сразу в машине привозят, у нас тут дробилки у каждого, и тут прямо дробят, и сдают сразу же» [20]; «В 1970—80-х гг. это у каждой семьи запасы были дома всегда, сейчас уже нет, покупают готовое всё в „Таёжной компании“²»; «Сейчас вон в магазинах всякое, жир, масло, всё сделают»³.

² ООО «Таёжная компания» — основной закупщик орехов, специализируется на изготовлении продуктов из орехового сырья.

³ Во время полевой экспедиции практически ни один из интервьюеров не смог сам добыть кедровое масло из ореха. Даже на съёмках информант «для быстроты» подливала в ступку готовое кедровое масло, купленное в магазине.

Сильное противодействие со стороны местного населения встречает и попытка государства регулировать сферу добычи ореха: «Это сейчас почему, думаете, кедровники горят, а теперь начали в аренду отдавать потому что. Люди, которые привыкли добывать испокон веков на одном месте, его сдадут в аренду. Он пойдёт и сожжёт его тогда» [17]; «Как безработницу сделали, все пошли в леса, выжить надо, всё бросают и идут. Сезон прошёл, снег упал, из-под снега щипцами достают, сейчас круглый год ходят» [22]; «Сейчас круглый год собирают, теперь уже и зимой её вытаскивают» [20].

Очевидно, что сегодня традиционный ореховый промысел семейских старообрядцев Забайкалья при современной практике добычи ореха сохраняется преимущественно на основе детских и юношеских воспоминаний старожилов. Техники сбора и обработки ореха на семейном уровне не сохраняются.

На примере добычи кедрового ореха видно, как промысел может приобретать черты объекта нематериального этнокультурного достояния в рамках этнической культуры. Семейские старообрядцы Забайкалья до прибытия на российский Дальний Восток не имели опыта сбора дикороса, однако в их культуре данный промысел быстро получил развитие и реализовался наиболее масштабно. Осваивая эту сферу, семейские инкорпорировали его в собственные представления и календарную обрядность, связали с религиозными правилами и запретами. Как часть хозяйственной жизни кедровый промысел существовал до середины XX в. Проникновение новых технологий и светского образа жизни привели к угасанию религиозной культуры и постепенной утрате многих традиций, даже приготовление отдельных блюд перестало иметь сакральное значение. Всё это оказало влияние и на особенности промысла, его бытование в религиозной культуре. Общественные и экономические изменения конца XX в. привели к практически полной трансформации промысла как с точки зрения технологий добычи и обработки, так и с позиции его бытования в рамках этнической культуры. Сегодня промысел кедрового ореха сохраняется и бытует уже как объект наследия, что актуализирует его статус объекта нематериального этнокультурного достояния народов России.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Головнёв А.В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург: УрО РАН, 1995. 606 с.
2. Для себя в лесу собирай: а на продажу — не смей: в Госдуме хотят ограничить заготовку кедровых орехов // Комсомольская правда. 2024. 12 авг. С. 1.
3. Зубарев В.М. Кедровые богатства Забайкалья. Чита: Чит. книж. изд-во, 1961. 101 с.

4. Кедровый промысел в Байкальской Сибири в устных рассказах русских старожилов. URL: <https://sibfolk.ru/?p=1695> (дата обращения: 20.02.2025).
5. Костров А.В. Специфика хозяйственной инфраструктуры старообрядческих общин Байкальского региона в дореволюционный период // Материалы всероссийской конференции «Сибирь в изменяющемся мире. История и современность». Кн. 1. Иркутск: ИГПУ, 2007. С. 242—246.
6. Малиновский Б. Научная теория культуры. М.: ОГИ, 2005. 176 с.
7. Об утверждении Положения о федеральном государственном реестре объектов нематериального этнокультурного достояния Российской Федерации. URL: <http://static.government.ru/media/files/PN62sr9rAiL1LGwcJTbZzz6eRqmfy1wm.pdf> (дата обращения: 25.09.2024).
8. Обязательное постановление Иркутского Генерал-губернатора // Иркутские губернские ведомости. 1913. 5 нояб. № 5720. С. 1.
9. Пономарёв Д.С. Кедровый промысел в Забайкалье // Лесопромышленный вестник. 1901. № 14. С. 213—215.
10. Попова А.М. Семейские (Забайкальские старообрядцы). Верхнеудинск: Тип. НКТП, 1928. 36 с.
11. Селищев А.М. Забайкальские старообрядцы. Семейские // История и культура семейских Забайкалья: Хрестоматия. Ч. 1. Улан-Удэ: Бэлиг, 2005. С. 201—253.
12. Традиционные технологии сбора и переработки кедровой шишки у семейских старообрядцев Забайкалья. URL: <https://rusfolknasledie.ru/?ysclid=mbx6wvlexc587176262#/nkn/f0eb6a22-b5cc-7e87-c227-91458929af65> (дата обращения: 09.25.2024).
13. Федеральный закон от 20 октября 2022 г. № 402-ФЗ «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации» // Российская газета. 2022. 24 окт.
14. Черных А.В., Каменских М.С. Нематериальное этнокультурное достояние народов России в федеральном и региональном законодательстве: история и основные тенденции (2003—2023 гг.) // Вестник российской нации. 2024. № 1 (94). С. 23—38.
15. КМКМ (Красночикойский муниципальный краеведческий музей). Ф. 1. Д. 2921. Дегтярёв Василий Корнилович.
16. ПМА (Полевые материалы автора). ФГ1 — фокус-группа, с. Архангельское, 2023 г. Ж., 1950 г.р.; Ж, 1959 г.р.; Ж., 1950 г.р.
17. ПМА. ФГ2 — фокус-группа, с. Красный Чикой, 2023 г. Ж., 1955 г.р.; Ж., 1956 г.р.; Ж., 1966 г.р.
18. ПМА. С. Архангельское, 2023 г. Ж., 1950 г.р.
19. ПМА. С. Красный Чикой, 2023 г. Ж., 1941 г.р.
20. ПМА. С. Красный Чикой, 2023 г. Ж., 1959 г.р.
21. ПМА. С. Архангельское, 2023 г. М., 1957 г.р.
22. ПМА. С. Барахоево, 2023 г. М., 1959 г.р.

REFERENCES

1. Golovnev A.V. *Govoryashchie kul'tury: traditsii samodiytsev i ugrov* [Speaking Cultures: Traditions of the Samoyeds and Ugrians]. Ekaterinburg, UrO RAN Publ., 1995, 606 p. (In Russ.)
2. Dlya sebya v lesu sobiray: a na prodazhu — ne smey: v Gosdume khotyat ogranichit' zagotovku kedrovyykh orekhov [Gather for Yourself in the Forest but Don't Sell It: The State Duma Proposed to Restrict Pine Nut Harvesting]. *Komsomol'skaya pravda*, 2024, 12 August, p. 1. (In Russ.)

3. Zubarev V.M. *Kedrovye bogatstva Zabaykal'ya* [Pine Nut Wealth of Transbaikalia]. Chita, Chit. knizh. izd-vo Publ., 1961, 101 p. (In Russ.)
4. *Kedrovyy promysel v Baykal'skoy Sibiri v ustnykh rasskazakh russkikh starozhilov* [Pine Nut Harvesting in Baikal Siberia in Oral Stories of Russian Old-Timers]. Available at: <https://sibfolk.ru/?p=1695> (accessed 20.02.2025). (In Russ.)
5. Kostrov A.V. Spetsifika khozyaystvennoy infrastruktury staroobryadcheskikh obshchin Baykal'skogo regiona v dorevolutsionnyy period [Specifics of the Economic Infrastructure of Old Believer Communities of the Baikal Region during the Pre-Revolutionary Period]. *Materialy vserossiyskoy konferentsii «Sibir' v izmenyayushchemsya mire. Istoriya i sovremennost'»* [Proceedings of the All-Russian Conference "Siberia in a Changing World. History and Modernity"]. Book 1. Irkutsk, IGPU Publ., 2007, pp. 242—246. (In Russ.)
6. Malinovskiy B. *Nauchnaya teoriya kul'tury* [Scientific Theory of Culture]. Moscow, OGI Publ., 2005, 176 p. (In Russ.)
7. *Ob utverzhdenii Polozheniya o federal'nom gosudarstvennom reestre ob"ektov nematerial'nogo etnokul'turnogo dostoyaniya Rossiyskoy Federatsii* [On the Approval of the Regulation on the Federal State Register of Intangible Ethnocultural Heritage Objects of the Russian Federation]. Available at: <http://static.government.ru/media/files/PN62sr9rAiL1LGwcJTbZzz6eRqmfy-1wm.pdf> (accessed 25.09.2024). (In Russ.)
8. Obyazatel'noe postanovlenie Irkutskogo General-gubernatora [Mandatory Decree of the Irkutsk Governor-General]. *Irkutskie gubernskie vedomosti*, 1913, no. 5720, p. 1. (In Russ.)
9. Ponomarev D.S. Kedrovyy promysel v Zabaykal'e [Pine Nut Craft in Transbaikalia]. *Lesopromyshlennyy vestnik*, 1901, no. 14, pp. 213—215. (In Russ.)
10. Popova A.M. *Semeyskie (Zabaykal'skie staroobryadtsy)* [The Semeiskie (The Old Believers of Transbaikalia)]. Verkhneudinsk, Tip. NKTP Publ., 1928, 36 p. (In Russ.)
11. Selishchev A.M. Zabaykal'skie staroobryadtsy. Semeyskie [The Old Believers of Transbaikalia. The Semeiskie]. *Istoriya i kul'tura semeyskikh Zabaykal'ya: Khrestomatiya* [The History and Culture of the Semeiskie of Transbaikalia. Reader, Vol. 1]. Part. 1. Ulan-Ude, Belig Publ., 2005, pp. 201—253. (In Russ.)
12. *Traditsionnye tekhnologii sbora i pererabotki kedrovoy shishki u semeyskikh staroobryadtsev Zabaykal'ya* [Traditional Methods of Pinecone Collection and Processing among the Semeiskie Old Believers of Transbaikalia]. Available at: <https://rusfolknasledie.ru/?ysclid=mbx6wvlexc587176262#/nkn/f0eb6a22-b5cc-7e87-c227-91458929af65> (accessed 09.25.2024). (In Russ.)
13. Federal'nyy zakon ot 20 oktyabrya 2022 g. № 402-FZ «O nematerial'nom etnokul'turnom dostoyanii Rossiyskoy Federatsii» [Federal Law of October 20, 2022, No. 402-FZ "On the Intangible Ethnocultural Heritage of the Russian Federation"]. *Rossiyskaya gazeta*, 2022, 24 October. (In Russ.)
14. Chernykh A.V., Kamenskikh M.S. Nematerial'noe etnokul'turnoe dostoyanie narodov Rossii v federal'nom i regional'nom zakonodatel'stve: istoriya i osnovnye tendentsii (2003—2023 gg.) [Intangible Ethnocultural Heritage of the Peoples of Russia in Federal and Regional Legislation: History and Main Trends (2003—2023)]. *Vestnik rossiyskoy natsii*, 2024, no. 1 (94), pp. 23—38. (In Russ.)

Дата поступления в редакцию 10.04.2025